

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 45–54.
Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology. 2023;(2):45-54.
ISSN 2542-0275

Научная статья

УДК 94(55)

doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-45-54

ЯСА ЧИНГИС-ХАНА И ШАРИАТ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВАХ XIII — НАЧАЛА XVI ВЕКА

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге», Санкт-Петербург,
Россия, rpochekaev@hse.ru, ORCID 0000-0002-4192-3528

Аннотация. Анализируется роль и значение Великой Ясы — установлений Чингис-хана в государствах его потомков, образовавшихся после фактического распада Великой Монгольской империи во второй половине XIII в., но при этом претендовавших на преемство от неё. Также рассматривается вопрос о соотношении Ясы и шариата в тех чингизидских ханствах, в которых ислам был принят в качестве официальной религии (Золотая Орда, монгольский Иран, Чагатайский улус). Анализ осуществляется на основе источников — официальных документов, свидетельств современников, исторических летописей и хроник, а также с учётом результатов исследований специалистов, обращавшихся к этой тематике ранее. Автор приходит к выводу, что монгольское имперское право (которое символизировала Яса) и шариат на протяжении довольно длительного времени воспринимались не как взаимоисключающие, а скорее как взаимодополняющие друг друга правовые системы, регулирующие разные сферы правоотношений. И лишь кризис чингизидской государственности уже на рубеже XV–XVI вв. привёл к вытеснению Ясы из правоприменительной практики в пользу мусульманского права.

Ключевые слова: Монгольская империя, Золотая Орда, монгольский Иран, Чагатайский улус, традиционное право, монгольское имперское законодательство, Великая Яса, шариат

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемого в Воронежском государственном университете.

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Яса Чингис-хана и шариат в тюрко-монгольских государствах XIII — начала XVI века // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 45–54.* URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-45-54

Original article

YASA OF CHINGGIS KHAN AND SHARIA IN THE TURKIC-MONGOL STATES OF THE 13th — EARLY 16th CENTURIES

Roman Yu. Pochekaev

HSE University in St. Petersburg, Russia, rpochekaev@hse.ru, ORCID 0000-0002-4192-3528

Abstract. The article analyses the role and significance of the Great Yasa, i. e. regulations established by Chinggis Khan in his descendants' states which appeared after the disintegration of the Mongol Empire in the second half of the 13th century and, nevertheless, made a claim for the imperial heritage. The work also examines the correlation of the Yasa and Sharia in those Turkic-Mongol states where Islam was adopted as an official religion. The analysis is fulfilled on a base of historical sources, i. e. official documents, contemporary evidence, historical chronicles as well as the previous researches. The author finds that for a long time the Mongol imperial law (symbolized by the Yasa) and Sharia were not antagonistic legal systems but complementary ones as they regulated different areas of

legal relations. Only after the crisis of the Chinggisid statehood at the turn of 15th–16th centuries Sharia replaced the Yasa in the law enforcement.

Keywords: Mongol Empire, Golden Horde, Mongol Iran Chagatay Ulus, traditional law, Mongol imperial legislation, Great Yasa, Sharia

Acknowledgement. The research is fulfilled with the financial support of the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, realized at the Voronezh State University.

For citations: Pochekaev RYu. Yasa of Chinggis Khan and Sharia in the Turkic-Mongol States of the 13th — Early 16th Centuries. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2023;(2):45-54. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/35-magistra-vitae-2-2023.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2023-0-2-45-54

Введение

Обширная историография Великой Ясы Чингис-хана посвящена преимущественно доказательствам того, что это был всеобъемлющий кодекс, действующий во всей Монгольской империи, оценке её значения для развития монгольской имперской государственности и, конечно же, попыткам «реконструкции» этого «кодекса». Начало этой традиции положили учёные XVIII–XIX вв. (Ф. Пети де Ла Круа, К. д’Оссон, Г. Ховорс), развили её исследователи XX в. (Э. Хара-Дава, Г. В. Вернадский, Л. Н. Гумилёв), и активно продолжают современные авторы (Н. Ням-Осор, Ц. Минжин, А. Мелехин и др.). Всех их объединяет одно: они анализируют роль Ясы, её форму и содержание применительно к Чингис-хану и его эпохе, крайне редко расширяя свою хронологию.

Работы, в которых анализировалось бы значение и действие Ясы в отдельных чингизидских улусах, весьма немногочисленны и, как правило, посвящены анализу её применения в отдельных улусах. В частности, И. Н. Березин рассмотрел возможность действия Ясы в Золотой Орде [Березин, 1864, с. 22–39], П. С. Попов — в империи Юань [Попов, 1906], Д. О. Морган — в государстве ильханов (монгольском Иране) [Morgan, 1986], А. К. Алексеев, К. Исогаи и Н. Килич-Шубель — в Чагатайском улусе [Алексеев, 2008; Isogai, 1997; Kilic-Schubel, 2004].

Что же касается проблемы сочетания в регулировании правоотношений Ясы и шариата, то эта довольно специфическая сфера нашла отражение в работах, в большей степени касающихся противостояния монголов и мира ислама в период завоеваний: например, Д. Эгль [Эгль, 2004] рассмотрела проблемы восприятия Ясы мусульманским населением завоёвываемых стран, А. Н. Поляк и Д. Айалон [Ayalon, 1971, 1972, 1973; Poliak, 1942] — мамлюками Египта. Отдельные аспекты соотношения Ясы и шариата во внутренней

правовой жизни чингизидских улусов, пожалуй, специально рассмотрели только вышеупомянутые авторы, посвятившие свои работы действию Ясы в Чагатайском улусе — и то в более поздний период XV — начала XVI в.

Таким образом, как представляется, с учётом ранее проведённых исследований и вновь введённых в научный оборот исторических памятников, весьма актуальным является более детальное изучение и систематизация сведений о роли Великой Ясы Чингис-хана в тюрко-монгольских государствах, возникших после распада Монгольской империи и унаследовавших её имперские претензии, а также об особенностях соотношения её с шариатом в регулировании конкретных сфер правоотношений.

Источники и методы исследования

Основными источниками исследования являются правовые акты — преимущественно ханские ярлыки, как уже хорошо известные (например, золотоордынские ярлыки русской церкви или указы ильхана Газана, приведённые Рашид ад-Дином в «Сборнике летописей»), так и вновь введённые в научный оборот. В частности, это ярлыки из персидского трактата «Дастур ал-катиб» («Руководство для писцов», составленное в 1360-х гг. Мухаммадом б. Хиндушахом Нахчивани, чиновником при дворе персидских правителей), акты чагатайских ханов и наместников, исследованные Д. Мацуи и М. Вером. В соответствии с задачами настоящего исследования мы не анализируем дипломатическую документацию, поскольку она отражает внешнеполитические аспекты политики Чингизидов, а не внутренние правоотношения, являющиеся объектом настоящего исследования. Кроме того, представляют интерес свидетельства современников, которые являлись приближёнными ханов-Чингизидов и в то же время авторами научных трактатов и исторических сочинений, — Ата-Малика

Джувеини, Насир ад-Дина Туси, Рашид ад-Дина, Шараф ад-Дина Али Йазди, Хафиза Абру и др. Помимо общей информации о действии Ясы и её соотношения с шариатом эти авторы нередко приводят конкретные примеры применения монгольского имперского законодательства в том или ином улусе и даже тексты самих правовых актов (как тот же Рашид ад-Дин).

Основными методами исследования являются:

— формально-юридический (позволяющий выявить интересующие нас правовые категории и институты);

— историко-правовой (дающий возможность исследовать интересующие нас источники права и проблемы их применения в конкретных исторических условиях);

— структурно-функциональный подход (с его помощью мы систематизируем полученную информацию и формируем представление о специфике системы правового регулирования различных сфер правоотношений и статуса отдельных групп населения в чингизидских государствах).

В то же время мы используем и общенаучные методы — источниковедческий анализ, контент-анализ, синтез полученной информации и др.

Основные результаты исследования и выводы

Фактический распад Монгольской империи в 1260-х гг. привёл к образованию самостоятельных улусов — Золотой Орды (Улус Джучи), государства Хулагуидов (монгольский Иран, Ильханат), Чагатайского улуса в Средней Азии и империи Юань в Китае. Несмотря на существенное сужение границ по сравнению с империей Чингис-хана, каждое из этих государств продолжало претендовать на имперский характер, и главным основанием этих претензий являлось происхождение их правителей от Чингис-хана. Соответственно, сохранение имперских традиций в организации системы власти и управления и в правовом регулировании отношений являлось своеобразным доказательством этого правопреемства от Монгольской империи. И одним из важнейших элементов этой имперской традиции являлась Великая Яса Чингис-хана, представляющая собой совокупность правил и установлений, которые были созданы основателем Монгольской империи или впоследствии приписаны ему потомками.

Однако в трёх улусах из четырёх вышеупомянутых (за исключением империи Юань) наряду с привнесёнными монгольскими имперскими правовыми традициями продолжали действовать

и традиционные правоотношения — на основе мусульманского права (шариата), которые применялись на территории этих вновь образованных чингизидских государств за века до установления в них монгольского господства. Естественно, игнорировать это обстоятельство Чингизиды не могли уже на начальной стадии формирования собственных улусов. Впоследствии же, когда правители Ильханата в 1290-х гг., Золотой Орды в начале 1320-х гг. и Чагатайского улуса в конце 1320-х гг. провозгласили ислам своей официальной религией, проблема регулирования правоотношений монгольским имперским правом (Ясой и основанных на ней источниках) и шариатом, казалось, должна была усугубиться. И ряд исследователей полагает, что именно так и произошло: по их мнению, принятие ислама должно было способствовать отказу чингизидских правителей от монгольской имперской идентичности, соответственно, либо имел место такой отказ, либо не было столь явного обращения соответствующих правителей в ислам [Юрченко, 2012а; 2012б]. Но так ли это было на самом деле?

Ответить на этот вопрос позволяет анализ информации исторических источников и в первую очередь правовых актов чингизидских государств, в том числе относящихся и к «мусульманскому периоду» их истории. Не менее важны и сообщения придворных летописцев: будучи представителями оседлого мусульманского населения, они, казалось бы, должны были прилагать все усилия, чтобы представить своих патронов — Чингизидов — идеальными мусульманскими государями. Однако на самом деле в их сочинениях обнаруживается немало примеров сохранения монгольских имперских правовых традиций, в том числе и обращения к Ясе Чингис-хана. И мы с некоторым удивлением можем увидеть, что никакого противоречия в их апеллировании и к монгольскому имперскому праву, и к нормам шариата не наблюдается.

Пожалуй, самыми яркими доказательствами этому являются акты правителей «мусульманской эпохи», в которых эти государи, принявшие ислам и всячески демонстрировавшие приверженность к этой религии, тем не менее, вполне официально ссылаются на Великую Ясу и требуют её знания и применения от соответствующих чиновников и групп населения.

Так, например, в фирмане (ярлыке) ильхана Газана (1295–1304), посвящённом институту икта (широко распространённом в Иране при прежних мусульманских правителях, начиная с Великих

Сельджуков), идёт ссылка на «ясак», то есть Ясу, соблюдение которой позволило потомкам Чингис-хана сохранить и приумножить его наследие. Характерно, что начинается указ Газана с «богословия»: «Во имя бога милостивого, милосердного, [во имя] могущества всевышнего господя благоденствия мусульманской общины»¹. Таким образом, в глазах ильхана-мусульманина никакого противоречия между шариатом и Ясой не было: ведь ярлык адресован представителям не местного оседлого населения, а тюрко-монгольским военачальникам и их подчинённым, для которых Ясы являлась актуальным источником права.

Эта же тенденция прослеживается и в серии ярлыков, вошедших в качестве образцов делопроизводственной практики в вышеупомянутый трактат «Дастур ал-катиб»: в одном и том же документе присутствуют апелляции как к Ясе, так и к шариату.

Например, в ярлыке о назначении эмира улуса (до сих пор остаётся дискуссионным вопрос о том, кто фигурирует под этим названием — бекляри-бек / амир ал-умара, то есть верховный главнокомандующий всех войск государства, или же улус-бек, то есть наместник в одном из крупных регионов) вновь вступающему в должность сановнику предписывается, чтобы его приказы и распоряжения соответствовали «повелениям шариата, требованиям справедливости и беспристрастности и установлениям ясы»². По-видимому, поскольку сановник такого уровня относился к представителям высшей власти, ему следовало вместе с самим ильханом демонстрировать приверженность к исламу, но реализовывал свои функции он именно на ясе, то есть принципах монгольского имперского права.

Аналогичным образом в ярлыке о назначении бахши, то есть писца на монгольском языке, вновь назначаемому чиновнику предписывается исходить из принципов «справедливости, ясы и ясака», а также ханских указов. Но если он будет добросовестно исполнять свои обязанности, то,

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / пер. с перс. А. К. Арндса, отв. ред. В. В. Струве. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946. С. 282.

² Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / крит. текст, пред. и указ. А. А. Али-заде. Т. II. М. : Наука, 1976. С. 17–19 араб. паг. Здесь и далее переводы на русский язык с персидского оригинала данного источника выполнены канд. ист. наук И. А. Мустакимовым (Евразийский университет им. Л. Н. Гумилёва, Астана, Республика Казахстан).

«если будет на то воля Аллаха Всевышнего, удостоится [наших] особых пожалований»³. Полагаем, что трактовать этот пассаж следует в пользу того, что не сам бахши, а именно ильхан, издавший ярлык о его назначении, опирается на волю Аллаха.

Наиболее специфически, по нашему мнению, решён вопрос о соотношении Ясы и шариата в ярлыке о назначении эмира яргу, то есть дзаргучи — судьи монгольского имперского суда. Этот указ предписывает вновь назначенному лицу исходить в своей деятельности из «обычаев и правил монгольских государей и эмиров, знанием их ясаков и торе» и «решать тяжбы меду тяжущимися в соответствии с постановлениями ясака». Однако выдавший ярлык ильхан постарался показать, что этот суд, базирующийся на системе монгольских имперских правовых ценностей, не противоречит и шариату. В результате в его тексте имеется такой пассаж: «Устроение дел веры и державы и защита интересов шариата и государства основано на двух важных делах, и разделение одного от другого с учётом требований эпохи невозможно. Первое — это укрепление дел шариата и исполнение повелений ислама — да продлит его Аллах до Судного часа и Часа воскресения! Второе — это следование путём правосудия и подражание обычаю и образу жизни справедливых». И далее — ещё более красноречивая фраза: «Поскольку устроение основ [суда] яргу принадлежит к изобретениям чингизхановой державы и монгольских государей, они в такой степени привержены ему, что сделали его законоположением, основанным на правде и своим шариатом [sic! — Р. П.], доведя следование справедливости и беспристрастия до абсолютных высот и совершенных степеней»⁴.

Если же речь идёт о должностях тюрко-монгольской элиты не столь высокого уровня, то от них не требуется явного следования нормам шариата, как, впрочем, и знания положений Ясы: согласно ярлыкам ильханов, таким военачальникам или чиновникам (темник, буларгучи и др.) следует руководствоваться правовыми обычаями, общими принципами справедливости и распоряжениями вышестоящего начальства⁵.

С другой стороны, нет никаких требований о знании и применении Ясы к тем чиновникам, которые занимали должности, существовав-

³ Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. С. 39–43 араб. паг.

⁴ Там же. С. 29–32 араб. паг.

⁵ Там же. С. 25–27, 70–72 араб. паг.

шие в Иране задолго до начала монгольского господства — например, в ярлыке о назначении на должность везира, который, конечно же, должен руководствоваться исключительно предписаниями мусульманского права¹.

Ещё один из аспектов административно-правовых отношений, регулирование которых происходило на основе норм и Ясы, и шариата, — налоговые правоотношения. Наряду с мусульманскими налогами в чингизидских государствах (в том числе и среди оседлого мусульманского населения) действовали такие налоги и повинности, как «ясак» или «албан ясак», то есть те, которые вводились ханами на основе принципов Ясы Чингис-хана. Примеры таких налогов мы находим в ярлыках, выдававшихся ханами Чагатайского улуса в XIII–XIV вв.² [Ver, 2016, p. 207].

Другая сфера, в которой продолжала оставаться актуальной Яса, была уголовно-правовая. В целом ряде источников используется оборот «предать ясе», то есть приговорить к наказанию (как правило, смертной казни или суровому телесному наказанию) на основе принципов и норм монгольского имперского права. Многочисленные примеры «предания ясе» мы встречаем в практике как монгольского Ирана³, так и Чагатайского улуса (причём не только в чингизидский, но и в тимуридский период)⁴. В отличие от административной сферы (назначение на должности), в уголовной не делалось различия между подсудимыми с точки зрения их статуса, занимаемой должности, кочевого или оседлого образа жизни, персидского, монгольского или тюркского происхождения. «Предать ясе» могли любое лицо, если считалось, что оно допустило правонарушение государственного масштаба: военное преступление (поражение в битве, многочисленные потери, бегство с поля боя), мятеж, покушение на государя и т. д.

¹ Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. С. 73–104 араб. паг.

² Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана / предисл., транскр., пер. Л. Ю. Тугушевой. М. : Наука — Восточная литература, 2013. С. 107.

³ Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джамии ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2011. С. 34, 38, 86, 102, 147, 176 и др.

⁴ Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме / пер. со староузб., предисл., коммент., указ. А. Ахмедова. Ташкент : SAN'AT, 2008. С. 63, 76, 227 и др.

Например, Рашид ад-Дин приводит следующее сообщение: «Затем заподозрили в колдовстве и измене Тутар-огула. После установления виновности Хулагу-хан отправил его в сопровождении Сунджакка на служение к Беркею. И [Сунджак] доложил об его вине. Беркей в силу чингизхановой ясы отослал его к Хулагу-хану, и 17 числа месяца сафара лета [6]58 [2 II 1260] его казнили»⁵. Таким образом, по обвинению в покушении на государя «предавали ясе» даже представителя ханского рода: Тутар был правнуком Джучи, старшего сына Чингис-хана и, следовательно, внучатым племянником Берке, при этом ни факт близкого родства, ни враждебное отношение самого Берке к Хулагу не стали препятствием для выдачи и преданию казни этого царевича.

Нарушения Ясы и наказания за них могли касаться не только самих Чингизидов и их подданных, но и других групп населения, в том числе и в вассальных государствах: согласно ярлыку золотоордынского хана Менгу-Тимура (1267–1280), выданному в 1267 г. русской церкви, посягнувшие на привилегии и иммунитеты православного духовенства, «по велицеи язе извиняться и умруть»⁶. В данном случае важным было не то, что такие нарушители причинили бы ущерб русским священнослужителям, а то, что они нарушили бы установление Чингис-хана об освобождении служителей всех конфессий от налогов и повинностей.

Нельзя не отметить, что ни одно из вышеприведённых упоминаний о применении Ясы в той или иной сфере правоотношений не содержит каких-либо конкретных её норм и положений: во всех случаях установления Чингис-хана упоминаются довольно абстрактно. Тот факт, что Яса так и не была зафиксирована в письменном виде, несомненно, привёл к тому, что первоначальные указы и распоряжения Чингис-хана со временем забывались, и этот источник права уже во второй половине XIII в. представлял в лучшем случае набор неких базовых принципов, в худшем же — просто символическое обозначение имперской правовой традиции. Судя по контексту проанализированных выше документов, именно этот второй вариант получил распространение в последующие времена.

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. С. 54.

⁶ Памятники русского права. Вып. третий: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Госюрлитиздат, 1955. С. 468.

Отсутствие определённых представлений о Ясе, как ни странно, нисколько не препятствовало не только ссылаться на неё (как мы убедились выше), но и использовать её в политических интересах, в том числе и в попытках противопоставить шариату.

Так, например, если один сановник Хулагуидов, Ата-Малик Джувейни, в своём сочинении утверждал, что многие установления Чингис-хана «согласуются с шариатом»¹, то другой, Насир ад-Дин Туси, в своём трактате о финансах с осуждением писал, что налоги, которые «теперь взимают по повелению великой Ясы, раньше не взимали» [Хатиби, 1985, с. 92]. Попытку противопоставить ислам и, соответственно, мусульманское право монгольскому имперскому наследию предприняли золотоордынские сановники — оппоненты хана Узбека, осуждавшие принятие им ислама: «Ты ожидай от нас покорности и повинования, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясык) Чингиз-хана и перейдём в веру арабов?»². С другой стороны, эмир и бекляри-бек Идигу (князь Едигей русских летописей), вошедший в историю как распространитель ислама в Золотой Орде [Трепавлов, 2020, с. 109–110], также способствовал укреплению Ясы в интересах восстановления сильной центральной власти и возобновления имперских претензий улуса Джучи: «Идигу установил тонкие обычаи (тура) и великие законы (ясак) и люди из привольности попали в стеснение»³. То же самое тимуридские источники сообщают и о политической деятельности эмира Тимура — Тамерлана: позиционируя себя как ревностного мусульманина, он, тем не менее, в своих действиях руководствовался Ясой для стабилизации отношений в Чагатайском улусе и укрепления своей власти⁴.

Почему же в таких условиях сами потомки Чингис-хана не предпринимали попыток зафиксировать Великую Ясу в письменном виде, что-

бы избежать таких противоречий? Ведь за время управления своими мусульманскими подданными, многие из которых проявили себя и как успешные сановники и чиновники, они, несомненно, имели возможность убедиться в эффективности писаного мусульманского права, которым можно было руководствоваться и в государственной жизни, и при вынесении судебных решений.

По нашему мнению, именно этот опыт знакомства с писаным мусульманским правом мог убедить Чингизидов в преимуществах отсутствия чёткой фиксации норм Ясы. Будь они записаны и, соответственно, доступны широкому кругу лиц (как мусульманские правовые тексты), их предписания пришлось бы исполнять буквально, и любой отход от этих норм мог бы быть замечен ханскими приближёнными, военачальниками, чиновниками, судьями-дзаргучи и пр. Сохранение же Ясы в устной форме позволяло потомкам Чингис-хана весьма вольно толковать её нормы, по сути, приписывая своему предку те установления и распоряжения, которые они сами могли составлять, исходя из современных им обстоятельств. И подданные относились к таким толкованиям с доверием, поскольку кто мог знать Ясу Чингис-хана лучше, чем его потомки?

В результате в источниках неоднократно встречаются примеры ссылок Чингизидов на Ясу при отсутствии каких бы то ни было подтверждений того, что упоминаемые ими положения могли действительно принадлежать Чингис-хану.

Например, золотоордынский правитель Берке (1257–1266) после сражения с ильханом Хулагу (1258–1265) заявил: «Грустно мне, что монголы убивают друг друга, но что придумать против того, кто изменил ясе Чингизхана!»⁵ Никаких сведений о том, что Чингис-хан предусматривал какое-то наказание за междоусобную войну, в нашем распоряжении не имеется: ведь в его правление монголы лишь консолидировались. При этом следует отметить, что для своих мусульманских союзников — египетских мамлюков Берке, который, как известно, первым из Чингизидов принял ислам, объяснял войну против Хулагу тем, что тот был «неверным», и, утверждая, что, воюя с ним, «действует против ясы Чингизхановой и закона народа своего»⁶.

⁵ Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. графа С. Г. Строганова, 1884. С. 275.

⁶ Там же. С. 59.

¹ Ata-Malik Juvaini. *The History of the World-Conqueror* / transl. from the ext of Mirza Mukhammad Qazvini by J. A. Boyle; intr. and bibl. by D. O. Morgan. Manchester: Manchester University Press, 1997. P. 25.

² Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 141.

³ Там же. С. 133.

⁴ *A century of princes: Sources on Timurid history and art* / select. and transl. by W. M. Thackston. Cambridge: Harvard University Press, 1989. P. 16.

В 1325 г. ильхан Абу Саид (1316–1335) влюбился в Багдад-хатун, дочь амир ал-умара Чопана, которая была замужем за другим эмиром и не желала с ним расставаться. «Из-за этого царевич Абу Са'ид [решил воспользоваться] правом наследника, согласно обычаям султанов, закона и традициям Чингиз-хана: муж хатун, которая понравилась падишаху, должен добровольно оставить её и отправить в гарем падишаха»¹. И хотя некоторые современные авторы не подвергают сомнению существование такого положения Ясы [Майоров, 2021, с. 144–145], мы не только не находим подтверждения его в источниках эпохи Чингис-хана, но и чисто логически не допускаем его существования: несомненно, если бы Чингис-хан ввёл такое правило, против него возмутились бы все его нойоны и военачальники! Кроме того, нельзя не отметить и то, что данное правило, изобретённое Абу Саидом, противоречило также и нормам шариата, которыми запрещено заключение брака с замужней женщиной [Керимов, 2007, с. 166].

Ещё один подобный пример относится уже к началу XVI в. и неоднократно привлекал внимание специалистов [Isogai, 1997; Kilic-Schubel, 2004, p. 25]: решение бухарского правителя Мухаммада Шайбани-хана (1500–1510) по итогам диспута о том, кто больше имеет прав на наследство — второй выживший сын наследодателя или же внук, являющийся сыном старшего сына, умершего ранее отца. Поскольку большинство знатоков мусульманского права, участвовавших в диспуте, придерживалось первого варианта, а хан, напротив, отстаивал второй, но не находил подтверждения в нормах шариата, он «реконструировал» норму Ясы: «А ведь в ясе Чингизхановой сказано, что внук, отец которого умер при жизни деда, в наследовании приравнивается к родному сыну». Хотя в установлениях Чингис-хана принципиально не могло быть такого положения, поскольку Яса не регулировала частноправовую сферу. Тем не менее хана это не смутило: «Дело кончилось тем, что [хан] пожелал отложить это предписание, ибо в тексте не было обоснованного довода, и [велел] поступать по установлению Чингиз-хана». Более того, он озаботился подтверждением этого «положения Ясы» и нормами шариата: «Между тем один из жителей Бухары, по прозвищу Амир Аху, выдававший себя за сейида и считавший себя учёным, представил хану из какой-то книги выписку, с содержанием которой якобы был согласен казий Шурайх.

¹ Хафиз Абру. Зайл-и Джамии ат-таварих-и Рашиди. С. 116.

По довольно запутанному тексту этой выписки Амир Аху делал вывод, что внук получает часть наследства»².

Как видим, по мере усиления влияния ислама и мусульманского права Чингизиды старались учитывать не только монгольское имперское законодательство, но и соотносить его с нормами шариата. Это было неслучайно: в XIV в. все улусы Чингизидов последовательно охватывает политический кризис, результатом чего становятся многочисленные гражданские войны и распад ханств на более мелкие владения. Попытки восстановления единства (Золотая Орда и Чагатайский улус на рубеже XIV–XV вв.) оказались кратковременными, а на политическую сцену в качестве объединителей выходили не только Чингизиды, но и представители других родов — Идигу Мангыт, Тимур Барлас и пр. В этих условиях авторитет потомков Чингис-хана существенно снизился, что привело и к снижению роли Ясы Чингис-хана в правовой жизни и активизации роли ревнителей ислама и шариата в тюрко-монгольских государствах.

Так, например, знаменитый среднеазиатский поэт Абдурахман Джами в поэме «Тухфат ал-Ахрар» (1481) воспеваает известного религиозного деятеля Ходжу Ахрара за то, что «Смысл он книгу тирании Чингиса» [Болдырев, 1985, с. 55]. Таким образом, в условиях ослабления власти Чингизидов и, соответственно, роли монгольских имперских государственных и правовых институтов в тюрко-монгольских государствах вновь востребованной оказалась идеология противопоставления Ясы и шариата — на этот раз уже в пользу сторонников исламского развития этих ханств.

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют сделать вывод, что фактический распад Монгольской империи в 1260-х гг., а затем и принятие ислама в трёх чингизидских ханствах (Золотая Орда, монгольский Иран, Чагатайский улус) в конце XIII — первой трети XIV в. не привели к вытеснению Великой Ясы, и она продолжала оставаться востребованным источником права. Однако при этом она имела в большей степени символический и идеологический характер, поскольку тот факт, что она не была зафиксирована в письменной форме, стал причиной

² Фазлаллах ибн Рузбихан Исфакхани. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / пер., предисл., прим. Р. П. Джалиловой ; под ред. А. К. Арендса. М. : Наука, 1976. С. 59–60.

того, что её конкретные установления (созданные Чингис-ханом или приписывавшиеся ему) всё более забывались, поэтому Чингизиды, апеллируя к Ясе, ссылались на неё в целом либо давали собственные интерпретации тех или иных её норм.

При этом нельзя не отметить, что обращение к принципам и нормам Ясы происходило в определённых случаях и при регулировании отношений конкретных групп населения — тюркских и монгольских кочевников, из которых происходила правящая элита, а также основная ударная сила войск чингизидских улусов. Что же касается коренного оседлого населения, то его жизнь и отношения с ним продолжали регулироваться шариатом. Таким образом, на протяжении довольно длительного времени Яса и шариат не противостояли друг другу в правоприменительной практике. Попытки их противопоставления в рассмат-

риваемый период были единичными и, как правило, объяснялись политическими целями правителей и правящей верхушки того или иного чингизидского государства. Лишь в XV в., когда власть потомков Чингис-хана оказалась ослабленной в результате длительных смут и распада государств «имперского типа» участились выступления сторонников шариата на Ясу, и она стала всё больше вытесняться из правовой практики, по сути, перестав быть востребованной уже в первой трети XVI в. Упоминания Ясы в источниках применительно к более поздним периодам уже не дают оснований считать, что она являлась востребованным источником права, и обращение к ней носило характер своеобразной «ностальгии» по прежним имперским временам. Однако анализ этих сведений — это уже предмет отдельного исследования.

Список литературы

1. Алексеев А. К. Яса и ислам: особая модель функционирования административно-правовых институтов ханств Мавераннахра // Рахмат-наме : сб. статей к 70-летию Р. Р. Рахимова / отв. ред. М. Е. Резван. СПб. : МАЭ РАН, 2008. С. 37–46.
2. Березин И. Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1864. 112 с.
3. Болдырев А. Н. Ещё раз к вопросу о Ходжа Ахраре // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М. : Наука, 1985. С. 47–63.
4. Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М. ; СПб. : Диля, 2007. 512 с.
5. Майоров А. В. Женщина, дипломатия и война: русские князья на переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги. 2021. Т. 7, № 3. С. 124–199.
6. Попов П. С. Яса Чингис-хана и уложение монгольской династии Юань чао-дянь-чжан // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1906. Т. 17. С. 0150–0164.
7. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. 3-е изд., испр. и доп. М. : Квадрига, 2020. 1040 с.
8. Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад : Ылым, 1985. 134 с.
9. Эгль Д. Великая Яса Чингис-хана, Монгольская империя, культура и шариат // Монгольская империя и кочевой мир / под ред. Б. В. Базарова, Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 491–530.
10. Юрченко А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта) : книга-конспект. СПб. : Евразия, 2012. 368 с.
11. Юрченко А. Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности) : книга-конспект. СПб. : Евразия, 2012. 400 с.
12. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination // *Studia Islamica*. 1971. № 33. P. 97–140; 1971. № 34. P. 151–180; 1972. № 36. P. 113–158; 1973. № 38. P. 107–156.
13. Isogai K. Yasa and Shari‘a in Early 16th century-Central Asia // *Cahiers d’Asie centrale*. 1997. No. 3/4. P. 91–103.
14. Kilic-Schubel N. Balancing ‘Yasa’ and ‘Shariat’ in the Shibanid-Uzbek Khanate in the 16th Century // *Central Asia on Display. Proceedings of the VII. Conference of the European Society for Central Asian Studies*. Vol. I. Vienna : LIT-Verlag, 2004. P. 17–30.
15. Morgan D. O. The “Great Yasa of Chingis Khan” and Mongol Law in the Ilkhanate // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986. Vol. XLIX, № 1. P. 163–176.

16. Poliak A. N. The Influence of Chingiz-Khan's Yasa upon the General Organization of the Mamluk State // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London University*. 1942. Vol. 10, № 42. P. 862–876.
17. Ver M. The postal system of the Mongol Empire in northeastern Turkestan : Ph. D. Diss. Szeged : S. n., 2016. 375 p.

References

1. Alekseev AK. Yasa i islam: osobaya model' funktsionirovaniya administrativno-pravovykh institutov khanstv Maverannakhra = Yasa and Islam: specific model of administrative and legal institutions of khanates of Mawerannakhr. In: *Rakhmat-name: Sbornik statey k 70-letiyu R. R. Rakhimova* = Rajmat-nameh: Collected works on occasion of the 70th anniversary of R. R. Rakhimov. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, 2008. Pp. 37–46. (In Russ.).
2. Berezin I. Ocherk vnutrennego ustroystva Ulusa Dzhuchieva = Essay on internal structure of Dzhuchiev Ulus. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1863. 112 p.
3. Boldyrev AN. Eshche raz k voprosu o Khodzha Akhrare = Once more on Khoja Akhrar. In: *Dukhovenstvo i politicheskaya zhizn' na Blizhnem i Srednem Vostoke v period feodalizma* = Clergy and political life of the Near and Central East during the feudal period. Moscow, Nauka Publ., 1985. Pp. 47–63. (In Russ.).
4. Kerimov GM. Shariat: Zakon zhizni musul'man. Otveti Shariata na problemy sovremennosti = Sharia: The law of life of Moslems. Answers of Sharia on the modern problems. Moscow; St. Petersburg; Dilya Publ., 2007. 512 p. (In Russ.).
5. Mayorov AV. Zhenshchina, diplomatiya i voyna: russkie knyaz'ya na peregovorakh s Batu nakanune mongol'skogo nashestviya = Woman, diplomacy and war: Russian princes in negotiations with Batu on the eve of the Mongol invasion. *Shagi = Steps*. 2021;7(3):124-199. (In Russ.).
6. Popov PS. Yasa Chingis-khana i ulozhenie mongol'skoy dinastii Yuan' chao-dyan'-chzhan = The Yasa of Chinggis Khan and code of Mongolian dynasty Yuan Dianzhang. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Rossiyskogo arheologicheskogo obshchestva*. 1906;17:0150-0164. (In Russ.).
7. Trepavlov VV. *Istoriya Nogayskoy Ordy* = *History of the Nogay Horde*. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow, Kvadriga Publ., 2020. 1040 p. (In Russ.).
8. Khatibi S. *Persidskie dokumental'nye istochniki po social'no-ekonomicheskoy istorii Khorasana XIII–XIV vv.* = *Persian documental sources on the social political history of Khorasan of the 13th-14th centuries*. Ashkhabad, Ylym Publ., 1985. 134 p. (In Russ.).
9. Aigle D. Velikaya Yasa Chingis-khana, Mongol'skaya imperiya, kul'tura i shariat = The great Yasa of Chinggis Khan, Mongol Empire, culture and Shariat. In: Bazarov BV, Kradin NN, Skrynnikova TD. (eds.). *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* = *The Mongol Empire and nomadic world*. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of RAS, 2004. Pp. 491–530. (In Russ.).
10. Yurchenko AG. *Zolotaya Orda: mezhdru Yasoy i Koranom (nachalo konflikta), kniga-konspekt* = *The Golden Horde: between the Yasa and Koran*. The synopsis book. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2012. 368 p. (In Russ.).
11. Yurchenko AG. *Khan Uzbek: Mezhdru imperiy i islamom (strukturny povsednevnosti), kniga-konspekt* = *Khan Uzbek: between the empire and Islam (structures of daily life)*. The synopsis book. St. Petersburg, Eurasia Publ., 2012. 400 p. (In Russ.).
12. Ayalon D. The Great Yasa of Chingiz Khan: A Reexamination. *Studia Islamica*. 1971;(33):97-140; 1971;(34):151-180; 1972;(36):113-158; 1973;(38):107-156.
13. Isogai K. Yasa and Shari'a in Early 16th century-Central Asia. *Cahiers d'Asie centrale*. 1997;(3/4):91-103.
14. Kilic-Schubel N. Balancing 'Yasa' and 'Shariat' in the Shibaniid-Uzbek Khanate in the 16th Century. In: *Central Asia on Display. Proceedings of the VII. Conference of the European Society for Central Asian Studies*. Vol. I. Vienna, LIT-Verlag, 2004. Pp. 17–30.
15. Morgan DO. The "Great Yasa of Chingiz Khan" and Mongol Law in the Ilkhanate. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1986;XLIX(1):163-176.
16. Poliak AN. The Influence of Chingiz-Khan's Yasa upon the General Organization of the Mamluk State. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London University*. 1942;10(42):862-876.
17. Ver M. The postal system of the Mongol Empire in northeastern Turkestan. Ph. D. Diss. Szeged, S. n., 2016. 375 p.

Информация об авторе

Р. Ю. Почкаев — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства.

Information about the author

R. Yu. Pochkaev — Doctor of Sciences (History), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.